

С. В. Белецкий

**ПЕСНИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
КАК ОБЪЕКТ МУЗЕЕФИКАЦИИ
(к постановке проблемы)**

*Мы говорим, что время делает песни.
Это верно. Но и сами песни чуть-чуть
делают время.*

*Ю. И. Визбор. Верю в семиструнную
гитару.*

Корректна ли сама постановка вопроса о музеефикации песенного фольклора?

Решусь ответить утвердительно. Музей – средоточие памятников материальной и духовной культуры, так что функции его сводятся к четырем основным: собрать, сохранить, изучить и показать подлинные реалии различных эпох и народов. Песни – визитные карточки своего времени, поэтому они, безусловно, являются важнейшими памятниками истории и культуры. Именно в этом качестве служат объектами изучения исторические песни и баллады¹. И именно в этом качестве песни могут стать объектами музеефикации. Иначе говоря, песни можно *собирать, сохранять, изучать и показывать*².

Сказанное в полной мере относится к фольклоризованным «самодеятельным» («дворовым», «уличным», «экспедиционным», «авторским») песням, музейная значимость которых сродни музейной значимости литературных и этнографических памятников.

Превращение самодеятельной песни в объект музеефикации затруднено спецификой этих памятников. Теоретически ясна процедура собирания: необходима письменная фиксация текстов, нотирование мелодий, аудио- и видеofиксация исполнения. Отмечу, что в последнее десятилетие фиксация песенного фольклора второй половины XX в., хотя и избирательно, но проводится – это и публикации сборников песен, и пластинки авторских песен, и магнитоальбомы, а в последнее время также CD-записи. Разумеется, есть и свои трудности, но они, в конечном счете, преодолимы: публикация текстов уже началась³, хотя поисковые работы проводятся и не столь активно, как это следовало бы делать⁴. Таким образом, наиболее актуальным остается продолжение целенаправленной фиксации и введения в научный оборот песенного фольклора. В *Приложении 1* к настоящей статье публикуется рукописный песенник, составленный в 1963 – 1965 гг. в археологических экспедициях ЛОИА (ныне – ИИМК).

Процедура *сохранения* песни сложнее. Реально в музейных фондах можно хранить аудио- и нотные записи песен, тетради-песенники, фото-, кино- и видеоматериалы, фиксирующие исполнение песни, в т. ч. – авторское⁵. Снабженные инвентарными номерами музейной коллекции, все эти памятники истории и культуры своего времени, безусловно, сохраняются для потомков. Однако находящиеся в фондах музея источники по истории песен лишь в малой степени отражают то место, которое занимали сами песни в живой культуре.

Наиболее адекватно, хотя и с неизбежной субъективностью, фиксируют роль песни в обществе воспоминания авторов, исполнителей и непосредственных слушателей: именно этот круг источников позволяет определять хронологию бытования песни в живой культуре, а для безымянных песен – иногда устанавливать автора произведения. К сожалению, число доступных источников такого рода невелико, так что запись воспоминаний о песнях⁶ – одна из наиболее актуальных в настоящее время задач, связанных с проблемой музеефикации песенного фольклора. В *Приложении 2* к настоящей статье публикуются примеры такого рода воспоминаний.

Процедура *изучения* современного песенного фольклора может быть проведена с опорой на традиционные методики, разработанные в литературоведении и фольклористике. Правда, существуют различные точки зрения относительно того, какие из источников следует рассматривать в качестве фольклорных, однако включение современных

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

«самодеятельных» («авторских») песен в число фольклорных источников представляется очевидным⁷, как очевидна фольклорная природа авторских частушек и анекдотов.

Наиболее трудная часть музеефикации песен – их *показ*. В отношении любого памятника истории и культуры основная задача музеефикации – дать полноценное представление о том месте, которое этот памятник занимал в живой культуре. Но в отношении песен достичь необходимого эффекта путем создания традиционной экспозиции невозможно: в каком виде ни создавать ее, впечатление от экспонатов (даже от аудио- и видеоряда) не будет полноценным, поскольку при построении традиционной экспозиции отсутствует важнейшая составляющая восприятия – сопричастность действию.

Тем не менее, в арсенале современного музееведения имеются наработки, которые могут быть использованы на заключительном этапе процесса музеефикации песни. Речь идет об освоении музейной информации методами музейной педагогики. «Музей предоставляет широкие возможности как для общения с музейной информацией, так и для... неформального межличностного общения», – подчеркивали Л. М. Шляхтина, Е. Н. Мастеница и Е. Е. Герасименко, называя в качестве возможных форм музейной деятельности встречи, посиделки и концерты⁸. Именно такие формы музейной деятельности представляются оптимальным решением проблемы показа песни в пространстве музея⁹. Подобным образом иллюстрировались основные положения настоящей статьи, излагавшиеся в докладе, прочитанном 20 апреля 2005 г. на III Всероссийской научно-практической конференции «Музейное образование. Взаимодействие общепрофессиональной и специальной подготовки» в СПбГУКИ. В *Приложении 3* к статье публикуется сценарий «песенного концерта», написанный в 2001 г. для юбилейного вечера, посвященного 80-летию со дня рождения профессора кафедры археологии исторического факультета СПбГУ А. Д. Столяра.

Конечно, концертная программа, составленная из песенного фольклора, – это наиболее естественный способ показа песен. Удачный опыт музеефикации «дворовых» песен на протяжении ряда лет демонстрировала радио-, а позднее – телепередача «В нашу гавань заходили корабли», представлявшая собой посиделки «тусовочного» типа с элементами концертной программы¹⁰. Считать, что эта передача в полном объеме музеефицирует памятники песенного фольклора второй половины XX в., не приходится: хотя *собирание* песен проводится, их *показ* явно преобладает над *сохранением*, а *изучение* в принципе отсутствует. Впрочем, это осознается и самими авторами программы: «Наш сборник не научный, он не имеет отношения к фольклористике... Наша задача вернуть людям то, что у них было отобрано партийной официальной»¹¹.

В отношении песенного фольклора археологических экспедиций, главный (а во многом пока и единственный) опыт *показа* песен – это экспедиционные «посиделки у костра», где происходит демонстрация песен («экспозиция»), а «старички» («экскурсоводы») подробно комментируют для «новичков» («экскурсантов») происхождение и судьбы этих песен (как реальные, так зачастую и легендарные). Решусь, поэтому, высказать достаточно неожиданный вывод: в настоящее время археологические экспедиции являются функционирующими в естественных условиях музеями песенного фольклора, причем не только фольклора собственно археологического, но, с учетом песенного репертуара археологических экспедиций, и шире – песенного фольклора российской интеллигенции. «Посиделки у костра» в экспедициях, на мой взгляд, являются, до известной степени, аналогом кухонным посиделкам 60-х и 70-х гг. XX в., воспетым Юлием Кимом¹².

Предлагаемый вариант решения проблемы *показа* экспедиционных песен, казалось бы, оставляет открытым важнейший вопрос: где следует проводить грань между *живым бытованием* памятника и его *показом*. Иными словами, до какого момента участники экспедиционных «посиделок у костра» остаются сторонними наблюдателями («экскурсантами», «посетителями»), и с какого момента они сами становятся носителями элементов экспедиционной субкультуры, в т. ч. – песенной («экскурсоводами», «хранителями»)?

Думается, что подобного рода затруднение на самом деле мнимое. Действительно, «посиделки у костра» только до определенного предела соотносимы с применяемым в музейной педагогике концертным методом¹³: как правило, подобного рода *показ* ограничивается первым вечером, а уже со второго какая-то часть «новичков» более или менее

С. В. Белецкий

активно включается в повседневный песенный быт. Тем не менее, носителями экспедиционного песенного фольклора становятся в дальнейшем лишь немногие участники экспедиции, а большинство так и остаются слушателями, т. е. – «наблюдателями-экскурсантами». Для этого-то большинства экспедиционные «посиделки у костра» и являются *музеем песни*, своеобразным музеем под открытым небом, причем именно участие в таких посиделках, как показывает практика, активизирует внимание и интерес слушателей и к экспедиционной субкультуре, и к археологии в целом.

* * *

Основные положения настоящей статьи были изложены в предисловии к брошюре «Песенный фольклор археологических экспедиций», изданной в серии пособий «Далькое прошлое Пушкиногорья» для студентов кафедры музееведения и экскурсоведения СПбГУКИ, выезжающих на полевую археологическую практику в Государственный Пушкинский заповедник (Псковская область)¹⁴. Брошюра содержала 27 комментированных текстов песен, зафиксированных рукописными сборниками и полевыми записями в различных археологических экспедициях. Наряду с бытующими в экспедициях классическими образцами городского песенного фольклора XVIII – XX вв. («Крамбамбули», «Султан», «Там, где Крюков канал...», «По рюмочке, по маленькой...», «В трудные минуты...»), в сборник были включены песни, распространенные почти исключительно в археологических экспедициях («Скифская баллада», «По звездам млечного пути», «Гимн археологов» и др.)¹⁵. Кроме того, брошюра содержала две статьи о песенном фольклоре археологических экспедиций¹⁶, а также воспоминания о песнях, бытовавших в Псковской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1960 – 1980-е гг. и в Изборской экспедиции ИА АН СССР в 1970 – начале 1980-х гг. Воспоминания сопровождалась публикацией текстов¹⁷.

Небольшой тираж брошюры (400 экз.) разлетелся мгновенно: уже на следующий год мне приходилось в ответ на просьбы коллег дарить не экземпляры брошюры, а дискету с файлами. Конечно, это свидетельствует не о достоинствах издания, а, прежде всего, о нехватке подобного рода литературы. Тем не менее, полагаю, что пособие оказалось по крайней мере небесполезным.

Я не стал бы останавливаться на характеристике брошюры, вышедшей из печати пять лет назад (тем более, что в настоящее время готовится дополненное и переработанное издание, которое предполагается сопроводить CD), если бы вскоре после публикации «Песенного фольклора археологических экспедиций» в печати не появился негативный отклик на это издание. В предисловии ко второму изданию сборника «Фольклор Новгородской археологической экспедиции» профессор кафедры археологии МГУ, доктор исторических наук А. С. Хорошев отметил: «С. В. Белецкий в рамках проводимого им курса для студентов-археологов предпринял препарирование фольклорного экспедиционного наследия по методическим принципам археологии, расслоив по классам, категориям и типам. Возможно, для учебного курса (хотелось бы, правда, узнать, в какой форме происходит его изложение, а также прием зачета?) подобная хирургия допустима, но впечатление жутковатое: обескровленные тексты разложены по баночкам и расставлены по полочкам»¹⁸.

Резкое и крайне безапелляционное заключение Хорошева, безусловно, требует ответа.

Прежде всего, в процитированном тексте содержатся, по меньшей мере, две фактические ошибки. Во-первых, пособие «Песенный фольклор археологических экспедиций» ориентировано не на студентов-археологов, а на студентов-музееведов, для которых знакомство с археологией ограничивается прохождением трехнедельной археологической практики. Во-вторых, «препарирование фольклорного экспедиционного наследия по методическим принципам археологии», которое рецензент приписал мне, на самом деле обосновано в двух статьях, написанных профессиональными фольклористами, так что ни о каких «методических принципах археологии» речи нет; правда, я разделяю и классификацию современного песенного фольклора, предложенную А. С. Башариным и М. В. Вениг, и саму оценку феномена «экспедиционных песен», содержащуюся в статьях этих авторов, так что принимаю оценку Хорошева на свой счет.

Однако дело не в фактических ошибках. Хорошева не устраивает сам факт группировки экспедиционных песен¹⁹. Действительно, публикуемые тексты и комментарии к

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

ним распределены по нескольким группам («Студенческая классика», «Современная анакреонтика», «Литературный цикл», «Историко-культурные сюжеты», «Случайные песни», «Археологическая классика», «Северо-Запад», «Юг»). Но, во-первых, эти группы не искусственные, а реально существующие, причем каждая из них может быть заметно расширена (в текст пособия включены лишь наиболее выразительные примеры). Во-вторых, наша брошюра не является песенником, хотя, по имеющимся сведениям, в настоящее время используется именно в этом качестве во многих археологических экспедициях, работающих на Северо-Западе, в Причерноморье, на Урале и в Сибири. И, в любом случае, при отборе текстов для брошюры требовалось определить очередность их размещения в издании. Подготавливая песенный фольклор Новгородской экспедиции к публикации, сам Хорошев избрал хронологический принцип размещения текстов, что совершенно оправданно при публикации *локального* фольклора²⁰. При публикации же *общего* фольклора, характеризующего субкультуру в целом, строгое следование подобному принципу затруднено, поскольку большинство фольклоризированных песен существует во многих вариантах, зачастую различающихся между собой и территориально, и хронологически.

Возможно, сформировавшееся у Хорошева «впечатление» от нашей брошюры объясняется иным подходом к тому, что считать песенным фольклором. Комментируя принцип отбора текстов для сборника «Фольклор Новгородской археологической экспедиции», Хорошев подчеркивал: «Даются только те (песни. – С. Б.), которые написаны в экспедиции участниками экспедиции на экспедиционные темы и, чаще всего, приуроченные к экспедиционному празднованию Бересты»²¹, а о прочих песнях, поющих в Новгородской экспедиции, упоминает глухо²². Таким образом, Хорошев считает песенным фольклором исключительно *локальные* песни.

Мне такой подход представляется принципиально неверным. Песенный быт любой экспедиции складывается из различных составляющих, и локальные песни в репертуаре «вечерних посиделок», как правило, занимают достаточно скромное место, уступая первенство городскому фольклору и песням бардов (а в последние годы также русскому року). Новгородская экспедиция не является в этом отношении исключением. В тех редких случаях, когда мне довелось принимать участие в «посиделках» Новгородской экспедиции (вторая половина 1970-х гг.), песенный репертуар застолья принципиально не отличался от репертуара большинства других экспедиций, а из собственно *новгородских* песен звучали, насколько мне помнится, только написанные в 1947 г. «Экстра» и «Товарищ Колчин»²³.

Конечно, надо быть благодарным составителям сборника «Фольклор Новгородской археологической экспедиции»²⁴ за введение в научный оборот огромного пласта локального песенного фольклора с коротким периодом активного бытования большинства составляющих его песен. Изданиями локального песенного фольклора являются также сборник фольклора Нимфейской²⁵ и, по-видимому, Хорезмийской²⁶ экспедиций. Наиболее интересной среди подобного рода публикаций, на мой взгляд, стала только что изданная брошюра В. М. Воробьева и И. Н. Черныха, содержащая широко известный в археологических экспедициях Северо-Запада «Кодекс НКЭ» и тексты песен, написанных в экспедициях 1970 – 1980-х гг., работавших на Верхневолжье²⁷. Особо отмечу, что к брошюре приложен CD с полевыми (!) записями песен: на конверте, в который вложен CD, имеется наклейка: «Просим извинить за качество: в основу диска положены любительские магнитофонные записи конца 80-х годов прошлого века из личного архива» (подчеркнуто издателями. – С. Б.).

Безусловно, фольклорная летопись Новгородской экспедиции – бесценный источник не только для изучения истории самой экспедиции, но, зачастую, и для уточнения судеб конкретных археологических находок²⁸. Но, исключив из публикации сведения о реальном репертуаре «вечерних посиделок», Хорошев тем самым лишил будущих исследователей песенного фольклора XX в. возможностей сопоставлять песенный быт Новгородской экспедиции с песенным бытом других экспедиций. В этом отношении заметно более репрезентативным источником является изданный Вал. А. Булкиным сборник экспедиционного фольклора «Мы по речке, по Каспле идем...»²⁹: наряду с локальным фольклором здесь представлены также основные составляющие повседневного песенного быта экспедиции.

С. В. Белецкий

Что касается риторического вопроса Хорошева о «форме изложения» курса и процедуре проведения «зачета», то ответом на него является, в известной степени, настоящая статья. Правда, этот ответ содержался уже в предисловии к сборнику «Песенный фольклор археологических экспедиций»³⁰, так что вопрос действительно *риторический*.

* * *

Публикуемые ниже приложения представляют собой опыты музеефикации песенного фольклора. В подготовке текстов к изданию принимали участие петербургские фольклористы А. С. Башарин и М. В. Венинг, которым я искренне благодарен не только за участие в изучении публикуемых источников, но и за неоднократные консультации по вопросам изучения песенного фольклора. Подстрочные примечания, обозначенные цифрами, составлены мною (кроме тех случаев, где авторство оговаривается), а обозначенные звездочками – принадлежат авторам публикуемых текстов. В тех случаях, когда в публикуемых текстах раскрывались авторские сокращения, дополнения помещались в угловые скобки. Комментарии, составленные мною, обозначены **С. Б.**, составленные А. С. Башариным и М. В. Венинг – **А. Б., М. В.** В текстах отсылки к комментариям обозначены номерами, заключенными в квадратные скобки.

В статье употребляются следующие сокращения:

АН СССР	–	Академия наук СССР
ГАИМК	–	Государственная академия истории материальной культуры
ИА	–	Институт археологии
ИИМК	–	Институт истории материальной культуры РАН
КАЭ	–	Красноярская археологическая экспедиция
КАЭЭ	–	Камская археолого-этнографическая экспедиция
ЛВХПУ	–	Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. Мухиной
ЛГУ	–	Ленинградский государственный университет
ЛИИЖТ	–	Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта
ЛИСИ	–	Ленинградский инженерно-строительный институт
ЛОИА	–	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛОИИМК	–	Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР
ЛЭТИ	–	Ленинградский электро-технический институт
МАЭ	–	Музей антропологии и этнографии АН СССР («Кунсткамера»)
МГУ	–	Московский государственный университет
МГПИ	–	Московский государственный педагогический институт
МИФИ	–	Московский инженерно-физический институт
ОИРК ГЭ	–	Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа
ПГУ	–	Пермский государственный университет
РАИМК	–	Российская академия истории материальной культуры
РАН	–	Российская академия наук
СAAЭ	–	Северо-Ангарская археологическая экспедиция
СПбГУ	–	Санкт-Петербургский государственный университет
СПбГУКИ	–	Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств

Примечания

¹ Исторические песни XIII – XVI веков / изд. подгот. Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. – М.; Л., 1960; Исторические песни XVII века / изд. подгот. О. Б. Алексеева и др. – М.; Л., 1966; Исторические песни XVIII века / изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. – Л., 1971; Исторические песни XIX века / изд. подгот. Л. В. Добровольский и др. – Л., 1973; Исторические песни. Баллады / сост. С. Н. Азбелев. – М., 1991; Народні пісні в записах Івана Франка. – Київ, 1981; Народні пісні в записах Осипа Маковея. – Київ, 1981; Русская баллада / под ред. В. И. Чернышева. – Л., 1936; Народные баллады / подгот. Д. М. Балашова. – М.; Л., 1963; Русские народные баллады / подгот. Д. М. Балашова. – М., 1983; и др.

² При этом значимость перечисленных функций в деятельности музея различна. Во-первых, памятники истории и культуры, накопленные многими поколениями музейных работников, должны быть *сохранены*. Во-вторых, эти памятники должны быть *показаны*. В-третьих, музейные коллекции следует пополнять путем *сбора* новых памятников истории и культуры. И лишь в-четвертых, задачей музея является *изучение* хранящихся, экспонируемых и пополняющихся коллекций. Это звучит парадоксально. Но, действительно, если сотрудники музея сами не в силах *изучить* хранящиеся в фондах музейные предметы, то музей может пригласить для этой цели специалистов извне. Если сам музей не способен грамотно *собирать* коллекции, для этой цели также могут быть приглашены специалисты-фондообразователи со стороны. Но только музейные работники способны профессионально *сохранить* коллекции, переданные им предшественниками, и передать эти коллекции приемникам. И именно музейные работники должны уметь не только профессионально *показать* коллекции на экспозициях и выставках, но и проводить долгосрочную выставочно-экспозиционную политику музея. Впрочем, как для построения конкретной экспозиции, так и к разработке долгосрочной выставочной программы также могут быть привлечены специалисты со стороны: подобного рода участием в работе музея нештатных сотрудников не гнушаются даже такие крупные музеи, как Эрмитаж. Именно поэтому важнейшей функцией музея является, на мой взгляд, *сохранение* коллекций, а их *показ*, по отношению к *сохранению*, – вторичен.

³ Например: «...Но мы еще не старики, мы инженеры физики: сб. песен. – М., 1992; «В нашу гавань заходили корабли»: песни. – М., 1995; «Как на Дерибасовской...»: песни дворов и улиц. Кн. 1 / сост. Б. Хмельницкий, Ю. Яесс. – СПб., 1996; «Черный ворон»: песни дворов и улиц. Кн. 2 / сост. Б. Хмельницкий, Ю. Яесс. – СПб., 1996. Особо отмечу магнитоальбомы, издаваемые ТОО «Московские окна».

⁴ В настоящее время, фактически, уже начало уходить из этой жизни поколение, певшее и создававшее песни в предвоенные и первые послевоенные годы, так что тексты и, что особенно важно, мелодии могут быть утрачены безвозвратно.

⁵ Именно так создавались собрания Н. П. Курчева и А. и М. Левитанов, положенные в основу сборника «От костра к микрофону» (СПб., 1996).

⁶ Интереснейшие воспоминания авторов, исполнителей и слушателей авторской песни содержатся в упомянутом сборнике «От костра к микрофону».

⁷ Показательно обоснование принципа отбора текстов, включенных в сборник «В нашу гавань заходили корабли»: «Иногда выяснялось, что у какой-нибудь песни есть автор и звучит она в подлиннике совсем не так... Но в таких случаях при публикации мы старались придерживаться все же народного варианта, особенно если народный вариант устоялся и пришел к нам в одном и том же виде из разных концов страны» (Успенский Э. [Предисловие] // «В нашу гавань...». С. 5).

⁸ Шляхтина Л. М., Мастеница Е. Н., Герасименко Е. Е. Музейная педагогика – область знаний и учебная дисциплина // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 3. Музейная педагогика. – СПб., 1998. – С. 9-10.

⁹ Подобный способ музеефикации этнографического песенного фольклора апробирован фольклорными ансамблями (не путать с эстрадными ансамблями «сувенирного стиля»).

¹⁰ Любопытно, что одним из инициаторов и создателей этой передачи был ныне покойный Валентин Берестов – писатель и поэт, но также и профессиональный археолог, некоторые песни которого, написанные в конце 1940-х гг. («Экстра»), до настоящего времени поются в археологических экспедициях. См.: Фольклор Новгородской археологической экспедиции. – 2-е изд., испр. и доп. / сост. А. С. Хоршев. – Великий Новгород, 2002. – С. 11, 12, 15.

¹¹ Успенский Э. [Предисловие] // «В нашу гавань...». – С. 5.

¹² Ким Ю. Московские кухни: аудиоальбом. – М., 1994.

¹³ Своего рода хепенингом. См.: Шляхтина Л. М., Мастеница Е. Н., Герасименко Е. Е. Указ. соч. – С. 11.

¹⁴ Песенный фольклор археологических экспедиций // Далекое прошлое Пушкиногорья. – Вып. 6. – СПб., 2000.

¹⁵ Там же. – С. 15-63.

¹⁶ Вениг М. В. Песенный репертуар археологических экспедиций // Там же. – С. 64-70;

С. В. Белецкий

Башарин А. С. Песенный фольклор археологических экспедиций // Там же. — С. 71-79.

¹⁷ Белецкий С. В. Заметки к истории песен в археологических экспедициях // Там же. — С. 80-117.

¹⁸ Фольклор Новгородской археологической экспедиции. — С. 6-7.

¹⁹ Хорошев не объяснил, что он вкладывает в понятие «обескровленные тексты». Если имеется в виду тот факт, что все тексты, включенные в нашу брошюру, сопровождаются сведениями о времени появления песни, географии ее распространения, об авторстве (если таковые имелись), а также о происхождении включенного в брошюру текста, то это — данные, обязательные при публикации фольклорного источника. Если имеется в виду отсутствие в издании аккордов и нотирования, то изданная брошюра является не песенником, а именно пособием, облегчающим студентам-практикантам процесс включения в повседневный экспедиционный быт (в т. ч. — песенный). Впрочем, в комментариях к текстам, включенным в брошюру, имеются указания на мелодии, лежащие в основе подтекстовок или перетекстовок, так что, строго говоря, сведения о «мелодии» в пособии имеются. Если, наконец, имеется в виду отсутствие в комментариях к текстам песен сведений об обстоятельствах их бытования в экспедициях, то подобного рода информация для каждой конкретной экспедиции особая и вряд ли в полной мере поддается обобщению (в тексте воспоминаний о песнях Псковской и Изборской экспедиций содержатся подобного рода сведения, см.: Белецкий С. В. Заметки к истории песен... С. 80-117). После сказанного, полагаю, что определение «обескровленные тексты» является сугубо эмоциональным.

²⁰ «Под *локальными* понимаются песни, возникшие в ограниченном коллективе, тематически связанные с его жизнью и неактуальные за его пределами» (Башарин А. С. Указ. соч. С. 77).

²¹ Фольклор Новгородской археологической экспедиции. — С. 7.

²² Характеризуя круг «общеизвестных популярных текстов», которые «широко представлены в песенных репертуарах всех экспедиций», Хорошев указывает на «песни известных бардов: Булата Окуджавы, Александра Городницкого, Александра Дольского, братьев Мищуков и других» (Фольклор Новгородской археологической экспедиции. С. 6). Случайный характер перечисленных имен создает впечатление, что о «бардовской составляющей» песенного быта экспедиций автор имеет смутное представление. Прочие составляющие (студенческие и туристские песни, городской романс, современный рок, песни из мультфильмов и кинофильмов и проч.) Хорошев не упоминает вовсе, так что о них можно только догадываться по использованным для подтекстовок и перетекстовок мелодиям.

²³ Фольклор Новгородской археологической экспедиции. — С. 11-14. Замечу, что обе песни, как и включенная в состав новгородского фольклора песня Смоленской экспедиции «Крест золотой» (Там же. С. 19-20), поются во многих археологических экспедициях, так что эти песни, строго говоря, уже перестали быть локально новгородскими. По сути дела, сборник «Фольклор Новгородской археологической экспедиции» представляет собой «Песенный фольклор праздника Бересты»: подавляющее большинство текстов, включенных в этот сборник, является песнями-однодневками, написанными и исполненными «по случаю» и в состав активного песенного репертуара не вошедшими.

²⁴ В выходных данных сборника указано: «Составитель А. С. Хорошев при участии Е. С. Зубковой, Л. В. Покровской, Е. А. Тяниной, В. Л. Янина».

²⁵ «Мы ехали сюда, чтоб град Нимфей копать» / сост.: Е. Антипанова, Н. Кунина и В. Хохряков. — СПб., 1999.

²⁶ Песни Хорезмийской экспедиции 1947–1955 гг. / сост. Ю. А. Раппопорт. — М., 2001. К сожалению, познакомиться с этим изданием мне не удалось.

²⁷ Воробьев В. М., Черных И. Н. Кодекс НКЭ (для служебного пользования при работе с лицами не моложе 18 лет). — Калинин, 1980 (Тверь, 2005).

²⁸ Так, в Корпусе актовых печатей древней Руси о месте находки печати № 701 сказано: «Новгород, 1962 г., раскопки на ул. 1 Мая (пл. 13, кв. 114, внутри сруба № 14)». См.: Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. — М., 1970. — Т. 2. — С. 219. Однако в песне «Нельзя нам забывать...», написанной в 1962 г. студентами-практикантами В. Г. Мироновой (позднее — сотрудник ИА АН СССР, кандидат исторических наук) и Е. А. Рыбиной (ныне — профессор кафедры археологии МГУ, доктор исторических наук), зафиксировано, что эта печать была найдена не во время разборки культурного слоя в раскопе, а в земляном отвале за пределами раскопа (Фольклор Новгородской археологической экспедиции. С. 17, 158). По-видимому, к сведениям об обстоятельствах находки печати № 701, содержащимся в Корпусе актовых печатей древней Руси, следует относиться с осторожностью.

²⁹ «Мы по речке, по Каспле идем...»: экспедиц. фольклор искусствоведов / сост. Вал. А. Булкин. — СПб., 2001.

³⁰ Белецкий С. В. От составителя // Песенный фольклор археологических экспедиций. — С. 3-7.

Приложение 1

1963 г.

«Экспедиционные песни»¹

■ [1]

I

А дело было в старину в Ростове
В Ростове было на Дону в Ростове

А поезд был набит битком
А я по шпалам босиком
По шпалам, пойл, по шпалам.

Какой я был тогда дурак
Носил ворованный пинджак
И шкары, пойл, и шкары

Зашел с брахлом я в магазин
Ко мне подходит гражданин
Легавый, пойл, легавый, пойл.

Он говорит: твою-то мать
Попался снова мне опять
Попался, пойл, попался.

И вот опять сажу в тюрьме
Не светит солнце больше мне
На нары, пойл, на нары.

И вижу небо все в крестах
А вши кусают просто страх
Кусают, пойл, кусают.

За окошком фраера
Всю ночь гуляют до утра
Кошмары, пойл, кошмары.

■ [2]

II

Африка (Киплинг)

День, ночь, день, ночь
Мы идем по Африке
День, ночь, день, ночь
Все по той же Африке.

Припев:

И только пыль, пыль, пыль
От шагающих сапог
И отдыха нет на войне солдату
Пыль... пыль

Я шел шесть недель
Сквозь ад и я клянусь
Там нет ни тьмы, ни жаровен ни чертей

Припев:

Там только пыль...

Мой друг, мой брат
Можешь ты меня не ждать
Я здесь забыл как зовут родную мать

Припев:

Счет, счет, счет, счет
Счет веди патронам всем
Мой бог, дай сил
Обезуметь не совсем.

Припев:

Здесь только смерть, смерть, смерть
Из-за каждого куста
И отдыха нет на войне солдату
Смерть, смерть, смерть.

■ [3]

III

Африка (Археологический вариант)

День, ночь, день, ночь
Мы копаем мертвецов
День, ночь, день, ночь
Все копаем мертвецов

Припев

И только пыль, пыль, пыль
От мелькающих лопат
И отдыха нет на раскопе, братцы.
Пыль..., пыль..., пыль.

¹ Публикуемый рукописный сборник принадлежит сотруднику ИИМК В. И. Кильдюшевскому (род. в 1942 г.). Он представляет собой тексты, записанные в стандартном экспедиционном дневнике АН СССР на обеих сторонах листов. Название сборника «Экспедиционные песни» написано синими чернилами. Записи, отнесенные к 1963 г., написаны такими же чернилами, содержат правку карандашом и черными чернилами. Записи, отнесенные к 1964 г., написаны фиолетовыми чернилами, содержат карандашную правку. Записи, отнесенные к 1965 г., написаны красной пастой, содержат правку зеленой пастой. Красной пастой вписаны также даты «1963 г.», «1964 г.» и «1965». Последний текст в сборнике (№ 31) записан зеленой пастой. Номера текстов, помещенные в квадратные скобки, введены мною. По сведениям Кильдюшевского (в 1963–1965 гг. студента вечернего отделения кафедры археологии ЛГУ), записи 1963 г. были сделаны в Красноярской экспедиции ЛОИА (начальник экспедиции М. П. Грязнов, начальник отряда Г. М. Максименков), записи 1964 г. – в Нижнедонской экспедиции ЛГУ (начальник экспедиции Т. Д. Белановская), а записи 1965 г. – в Новогрудской экспедиции ЛОИА (начальник экспедиции Ф. Д. Гуревич). При этом в полевых условиях записи 1965 г. делались, по сведениям Кильдюшевского, «на отдельных листах и клочках бумаги», а в сборник были переписаны шариковой ручкой уже в Ленинграде, по окончании работ экспедиции. Отмечу, что в середине 1960-х гг. шариковые ручки в СССР были большой редкостью, в частности, трехцветная шариковая ручка, по сообщению Кильдюшевского, была привезена ему из Венгрии. Запись зеленой пастой относится к 1965 г. Исправления текстов, сделанные черными чернилами и зеленой пастой, принадлежат самому Кильдюшевскому, а карандашная правка – одному из участников экспедиции 1964 г. В публикации сохранены орфография и пунктуация подлинника.

С. В. Белецкий

Я жил шесть недель на раскопе
И я клянусь
Здесь нет ни кино, ни Столичной, ни подруг

Припев:
Здесь только пыль...

Мой друг, мой брат
Можешь ты меня не ждать
Нам здесь не дадут ни зарплаты, ни пожрать

Припев:
Здесь только пыль...

Счет, счет, счет, счет
Счет веди могилам всем
Мой бог, дай сил
Истаскаться не совсем

Припев:
Здесь только гроб, гроб, гроб
Из-за каждого камня
И мы в него верим как в последний
Гроб, гроб, гроб.

[4]

IV

Скажи, откуда у тебя
Фантазия такая
Как будто я люблю тебя
И по тебе страдаю

Во-первых, милая моя,
Страданий я не знаю
Я, во-вторых, быть может я
Не по тебе страдаю.

И даже то, что под окном
Хожу я каждый вечер
Отнюдь не говорит о том
Что я прошу о встрече.

Во-первых, я там проходил
Лишь как простой прохожий
И, во-вторых, не я там был
А кто-нибудь похожий.

И вот предупреждаю я,
Ты не играй на нервах.
Во-первых, я люблю тебя
А, во-вторых: во-первых.

[5]

V

Моя дорогая

Моя дорогая
Не блещет красою
Ни милой улыбкой,
Ни русой косою,
Ни маленькой ножкой,
Ни стройностью стана,
Чем блещут всегда
Героини романа.

Невзрачной платьё
Мышиного цвета
Она не снимает
От лета до лета
Неловко признаться
Но все-же не скрою

Я сам дорогую
Купаю и мою.

Я с милой одежды
Снимаю несмело,
Чтоб видеть скорее
Желанное тело,
Чтоб видеть и трогать
И нежно ласкать.
Прижаться со страстью
К единственной в мире
К тебе дорогая
Картошка в мундире.

[6]

Зараза

Что глядишь ты на меня в упор
Я твоих не испугаюсь глаз
Брось, оставим этот разговор
Он у нас уже не в первый раз

Припев:
Ну, что же, брось, бросай
Жалеть не стану
Я таких как ты мильён достану
Ты же поздно или рано
Все равно ко мне придешь.

Кто тебя по переулкам ждал
От ночного холода дрожа
Кто тебя по кабакам спасал
От удара финского ножа

Припев.

Выйди, выйди на крыльцо свое
Вспомни, что у нас с тобой бывало
Если хочешь – на, возьми свое кольцо,
А мое ты под забором брось.

Припев.

Если будет тяжело в пути
Вспомни, хулиган тебя любил
Если будет нелегко идти,
Помни, что тебя он не забыл.

Припев.

И она ушла в ночной туман
Посмотрев презрительно в глаза
А в руках все тот же маленький наган
А в глазах все та же бирюза.
Зараза...

[7]

Мадагаскар

Чутко горы спят, Южн<ый> крест залез на небо
Спустились с гор в долину облака
Осторожней, друг, ведь никто из нас здесь не был
В таинственной стране Мадагаскар.

Ночью труден путь, на востоке воздух серый
Но скоро солнце встанет из-за скал
Осторожней, друг, тяжелы и метки стрелы
У жителей страны Мадагаскар.

Шаг наш тверд и смел, чуть колышутся лианы
И мы со всех сторон окружены.

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Осторожней, друг, бьют туземцы в барабаны:
Они вступили на тропу войны.

Помню южный порт и накрашенные губы
И купленный за доллар поцелуй
Осторожней, друг, эти ласки слишком грубы
Ты сердце понапрасну не волнуй.

■ [8]

Песня ковбоя

Хорошо в степи скакать
Свежим воздухом дышать
Лучше прерий места в мире не найти,
Если солнце не печет и лошадка не трясет,
И пивные попадают в пути

Трое веселых удальцов
Ловят в поле скакунов,
Чтоб потом они их вихрем понесли.

Но к чему такая прыть,
И зачем коней ловить,
Если есть на то трамваи и такси.

Мы ворвемся ночью в дом
И красотку уведем
Если парня не захочет полюбить.

Но к чему такая страсть
И зачем красотку красть
Её можно просто так уговорить.

■ [9]

Приходят трамваи
Уходят трамваи
А я все стою и стою
Стою на углу я
И тебя ожидаю
Кудрявую радость мою.

Две тысячи слов
Задуманных и нежных
Тебя ожидая шепчу.
Но только придешь ты
Усмехаюсь небрежно
И рядом с тобою молчу.

Пускай говорят
Что иное молчанье
Бывает понятнее слов.
Но ты не вникаешь
В мое состоянье
Не видишь, что это любовь.

■ [10]

В Западной Европе

В Западной Европе часто меркнут звезды
Светят там не наши зори
Ветерок тихонько там листву колышет
У костра солдаты в сборе.

Припев:

А в небе далёком плывут облака
Затянуться надо крепким самосадам
Русские грустят солдаты

Там не наше небо, там не наши зори
Солнце светит там не наше
Девушки там ходят в платьях очень ярких
Только наши лучше, краше.

Припев:

А в небе далёком...

Россия, Россия. Ты так далека.
Затянуться надо крепким самосадам
Русские грустят ребята.

■ [11]

Бригантина (П. Коган)

Надоело говорить и спорить
И любить усталые глаза.
В беспокойном флибустьерском море
Бригантина поднимает паруса.

Капитан, обветренный как скалы,
Вышел в море, не дождавшись дня.
На прощанье поднимай бокалы
Золотого терпкого вина.

Пьем за яростных и непокорных,
За презревших грошевый уют.
Вьётся по ветру весёлый Роджер
Люди Флинта гимн морям поют.

Так прощались с самой серебристой
С самой заветною мечной
Флибустьеры и авантюристы
*С детства презиравшие покой*².

И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза.
В беспокойном дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса.

■ [12]

С. Есенин

Грубым дается радость
Нежным дается печаль
Мне ничего не надо
Мне ничего не жаль

Жаль мне себя немножко
Жаль мне бездомных собак
Эта прямая дорога
Привела меня в кабак

Что же вы не пьёте, дьяволы,
Или я не сын страны.
Каждый из нас закладывал
За рюмку свои штаны.

Мутно гляжу на окна
В сердце тоска и зной.
Катится в солнце, измокнув,
Улица предо мной.

А на улице мальчик сопливый
Воздух поджарен и сух

² Строка, выделенная курсивом, зачеркнута черными чернилами, над ней вписано «Братья по крови горячей и густой».

С. В. Белецкий

Мальчик такой счастливый
Он ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь.
Только вот с этой силой
В душу ко мне не лезь.

Я уж готов, я робкий,
Гляжу на бутылку рать.
Я собираю пробки
Душу свою затыкать.

■ [13]

Девушка из Нагасаки

Он капитан, и родина его Марсель
Он обожает пьянки, ссоры, драки.
Он курит трубку, пьет крепчайший эль
И любит девушку из Нагасаки.

У ней такая маленькая грудь
И губы алые как маки.
Уходит капитан в далекий путь,
И плачет девушка из Нагасаки.

Когда жестокий шторм
Когда гремит гроза
Наш капитан сидит на баке.
Он вспоминает карие глаза
И бредит девушкой из Нагасаки.

У ней следы проказы на руках
На ней татуированные знаки
Танцует она танко в кабаках
В короткой узкой юбке цвета хаки.

Но вот вернулся он
Спешит к ней чуть дыша
И узнает, что господин во фраке
Однажды, накурившись гашиша,
Зарезал девушку из Нагасаки

У ней такая маленькая грудь
И губы алые как маки.
Уходит капитан в далекий путь,
И нет уж девушки из Нагасаки.

■ [14]

Синяя майка

Завтра я надену майку голубую
Майку голубую, брюки клеш
Три пути дороги, выбирай любую,
От тюрьмы далеко не уйдешь.

Как-то в ресторане выбрал я девчонку
Девушка блистала красотой
Ее в малине знали, она была воровка
И на «дело» брала нас с собой.

Как-то в ресторане встретился с друзьями
И не рад знакомству своему.
Я сказал ей: «Маша, сбаци под гитару,
А на утро сядем мы в тюрьму».

Мчится черный ворон по улицам Ростова
Шофёр, нажми на тормоза.
Дай проститься с мамой, с маменькой
родимой,
Посмотреть последний раз в глаза.

■ [15]

Товарищ Сталин!
Вы большой ученый,
В языкознанье знаете вы толк.
А я *приличный русский*³ заключенный
И мой товарищ *просто*⁴ брянский волк.

Итак, сию я в Туруханском крае,
Где при царе, бывало, сиживали вы,
За что сию я, до сих пор не знаю,
Но прокуроры, кажется, правы.

Вчера похоронили 2-х марксистов
Тела покрыли красным кумачём
Один из них был левым уклонистом,
Второй, как оказалось, ни причём.

И вот сию я в Туруханском крае
Где конвоиры строги и грубы.
Я это все, конечно, понимаю,
Как обостренье классово-борьбы.

И дождь, и снег, и мошкара над нами
А мы в тайге с утра и до утра.
Вы здесь из искры раздували пламя,
Спасибо вам, я греюсь у костра.

■ [16]

Клопики. Окуджава.

Друзей так много в этом мире
Дружить со всеми я готов.
Живет, живет в моей квартире
Семейство рыженьких клопов.

Знаком мне с детства каждый клопик
И всю их рыжую родню
По цвету глаз и острой попе
Своих друзей я узнаю.

Я договорчик сепаратный
Сумел с клопами заключить
И дружбы нашей столь приятной
Дизенсенкталем не разлить.

Но как-то утром, в полвосьмого
В постели, лежа в полутьме
Я своего клопа родного
Размазал пальцем по стене.

С тех пор, вай-вай, вай, вай,
Клопы лютуют
Лютует весь клопный род,
И даже черненьких ловлю я
Клопов тропических широт.

³ Слова выделенные курсивом, зачеркнуты черными чернилами, над ними вписано «простой советский».

⁴ Слово, выделенное курсивом, зачеркнуто черными чернилами, над ним вписано «старый».

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Мильён клопов в моей квартире
И каждый съесть меня готов,
И только в ванной и в сортире
Я отдыхаю от клопов.

[17] Вай-валам.

Серебристый серенький дымок
Отражаясь в пламени заката.
Песенку донес нам ветерок, вай-вала,
Что была пропета нам когда-то.

Жил в Одессе славный паренек
Ездил он в Херсон за голубями
И вдали мелькал его челнок, вай-вала,
С белыми как чайка парусами.

Голубей он там не доставал
Воровал и шарил по карманам
Крупную валюту зашибал, вай-вала,
С девушкой ходил по ресторанам.

Но однажды этот паренек
Не вернулся в город свой родимый,
И напрасно девушка ждала, вай-вала,
У фонтана в платье темно-синем.

Кто же познакомил нас с тобой
Кто же дал нам счастье и разлуку,
Кто на наше счастье и любовь, вай-вала,
Поднял окровавленную руку.

Город познакомил нас с тобой
Море принесло с тобой разлуку
Суд на наше счастье и покой
Поднял окровавленную руку.

[18]

Что за ночь над городом царила
Видно мне взгрустнулось неспроста
Я облокотился на перила
Старого чугунного моста.

Пары шли и проходили мимо
Старого зеркального пруда
Я мечтал о девушке любимой
Той, что я тогда пренебрегал.

Волосы ее как кольца дыма
Милая, ты вспомни обо мне.
Ведь потеря девушки любимой
Пострашнее смерти на войне.

Больше мне волос твоих не гладить
Алых губ твоих не целовать.
Не сумели мы с тобой поладить
Больше нам друг друга не видать.

Милая, к чему пустые речи
Совестью не надо торговать.
Если полюбила ты другого,
Я заставлю сердце замолчать.

[19] 19. Полярная звезда

Опять пурга во тьму умчалась воя
И за окном не видно ни следа
И вот опять над самой головою
Горит зеленая полярная звезда⁵

Экспресс полярный звал меня гудками
И я сказал: как много дней в году
Чтоб не забыть, возьми ее на память
И показал тебе полярную звезду.

Когда проходишь ты около вокзала
Ты, может быть, не думаешь о ней.
И нелегко, и лень тебе, пожалуй,
Искать ее в лучистом зареве огней.

А там в Москве улыбки и концерты
И даже почта ходит каждый день
А мне все реже синие конверты
Через снега приносит северный олень.

Еще пурга вернется многократно
И снова я вернусь весной сюда
И я скажу: отдай ее обратно,
Не для тебя она, полярная звезда.

[20]

Стоял я раз на стреме, держался за карман
Вдруг ко мне подходит незнакомый мне
граждан

Он говорит: в Марселе, какие кабаки
Какие там бордели, какие коньяки
Там женщины танцуют голые
И дамы в соболях
Лакеи носят вина, а воры носят фрак.

Потом достал он ключичек
Открыл свой чемодан
Там были деньги франки и жемчуга стакан
Возьмите, грит, деньги франки и жемчуга
стакан
Взамен вы мне достанете советского завода
план.

Воровская малина собралась на совет
На ней мы порешили сказать гражданину нет
Мы сдали того фраера войскам НКВД
С тех пор его по тюрьмам я не встречал нигде.
Нам власти руки жали, жал руки прокурор
А потом нас посадили под усиленный надзор.

Сидим мы в общей камере, имеем одну цель
Как бы нам добраться в тот западный
Марсель
Где девочки танцуют голые, где дамы в
соболях
Лакеи носят вина, а воры носят фрак.

⁵ В сборнике отмечено, что две последние строки каждого куплета повторяются.

С. В. Белецкий

[21]

Песня английского солдата

Патти пишет самой лучшей девушке своей:
Как письмо мое получишь – напиши скорей
Если есть в письме ошибки дело не хитро
Здесь чернила не в порядке, очень скверное

перо.

В путь далекий до Типперери
В путь далекий домой
В путь далекий до милой Мэри
И до Англии родной.
До свиданья, мой Пиккадилли
До свиданья, о“кей
Где мы весело тогда с тобой бродили
И как скучно здесь теперь.

Отвечает другу Мэри: мало писем шлешь
Ничего, что плохи перья, был бы ты хорош.
Сватает меня влюбленный старый Паттесон
До свиданья, милый патти, шлю тебе большой

поклон.

В путь далекий до Типперери...

Побивай побольше немцев, Патти, милый мой,
Чем побьешь ты больше немцев, тем скорей

домой.

Скоро, скоро в Типперери я к тебе прилечу.
Будут Патти вместе с Мэри вспоминать войну.
В путь далекий до Типперери...

[22]

Охотный ряд. Акуджава.

Водитель, поднажми на тормоза⁶
Ты нас мурыжишь 3 часа подряд
Слезайте, граждане, приехали, конец
Охотный ряд,
Охотный ряд.

Когда-то здесь горланили купцы
И раздавались голоса⁷,
И над сугробами звенели бубенцы
Охотный ряд,
Охотный ряд.

Здесь бродит запад, гидов теребя,
На «Метрополь» колхознички глядят.
Как не охото уезжать мне от тебя
Охотный ряд,
Охотный ряд.

[23]

Таганка

Цыганка с картами, дорога дальняя
Дорога дальняя, казенный дом
Быть может старая тюрьма центральная
Меня, преступника, по новой ждет

⁶ Строка, выделенная курсивом, зачеркнута, над ней вписано карандашом другим почерком «Нажми, водитель, тормоз наконец».

⁷ Строка, выделенная курсивом, зачеркнута, над ней вписано карандашом другим почерком «А по утрам румянилась заря».

Таганка, все ночи полные огня,
Таганка, зачем сгубила ты меня,
Таганка, я твой бессменный арестант
Погибли юность и талант в стенах твоих.

И лично знаю я и без гадания
Решетки прочные мне суждены
Опять по пятницам пойдут свидания
И слезы горькие моей родни.

Припев: Таганка...

Сажу я в камере, все в том же номере
Где столько лет сидел мой дед.
И жду этапа я, этапа дальнего
Какого ждал родной отец 17 лет.

Припев.

[24]

Песня эмигрантов

Дни за днями как в песне
Пролетают в тиши
Бегут длинные рельсы от Москвы до Шанси

Припев:

И в дороге один я передумаю вновь
За кордоном мечты,
За кордоном Москва,
За кордоном любовь.

За вагоном вагоны напевают печаль
Поезд вихрем земным уносит нас вдаль
Помню желтые ранты, помню цвет галифе
Спят друзья-эмигранты в полутемном купе.

Припев.

Дым имения родного, прах дворянских корон
Не забыть нам былого, не пойти на поклон,
Сколько крови пролито, сколько наших лежат
Сколько их перебито, не вернуть их назад.

Припев.

Наши мысли и книги
Наша длинная речь
Что нам эти встречи
Счастье нам не сберечь.

Припев.

Впереди переключки эшелонов и встреч
Зазвучит непривычно китайская речь

Припев:

И в Шанхае один я
Передумаю вновь...

1964 г.

[25]

Все перекаты, да перекаты
Послать бы их по адресу
На это место уж нету карты
Идем вперед по абрису⁸.

А где-то жены живут на свете
Друзья сидят за водкою

⁸ В сборнике отмечено, что две последние строки каждого куплета повторяются.

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Владеют камни, владеет ветер
Моей дырявой лодкою.

*А завтра снова пораньше выйду⁹
Наутро¹⁰ лето кончится
И подавать я не стану вида
Что помирать не хочется.*

А если рядом с тобою кто-то
Не надо больше мучиться
Тебя люблю я до поворота
А дальше как получится.

Все перекаты, да перекаты...

■ [26]

На меня надвигается
По реке битый лед.
На реке навигация,
На реке пароход.

Пароход белый-беленький
Черный дым над трубой
Мы по палубе бегали
Целовались с тобой.

Пахнет палуба клевером
Хорошо как в лесу,
И бумажка приклеена
У тебя на носу.

Ой, ты палуба, палуба,
Ты меня раскачай
Ты печаль мою, палуба,
Расколи о причал.

1965 г.

■ [27]

Жил граф Родерико с графиней Эльвирой
Под красною крышей имения родного,
А рядом в хибарке за ихней хавирой
Жила одинокая некто Петрова

Графиня была словно птичка невинна
Не знала ни злобы, ни тупфы грошовой,
А граф был свинья и большая скотина,
И быстренько спутался с этой Петровой.

Напрасно графиня страдала в сомненье,
Напрасно рыдала в шикарней столовой,
Напрасно молила его на коленях:
«Не бегай, паскуда, ты к этой Петровой».

Она не жалела ни пудры ни крема
То новая брошь, то другая обнова,
А он, таки, бежал до этой лахудры
И все ей нашептывал: «Ух, ты, Петрова».

⁹ Строка, выделенная курсивом, зачеркнута, над ней вписано карандашом другим почерком «К большой реке я сегодня выйду».

¹⁰ Слово, выделенное курсивом, зачеркнута, над ним вписано карандашом другим почерком «Сегодня».

Однажды с мечем подойдя к кабинету
Графиня сказала ужасно сурово:
«Герба на тебе, на мучителе, нету
Сиди и не бегай до этой Петровой».

Но граф был как будто в чаду алкогольном
Точнее сказать, был под мухой слоновой.
Он шваркнул ее головой в антресоли
И тотчас потопал он к¹¹ этой Петровой.

Графини шикарное, пышное тело
Лежало в крови на дорожке ковровой.
Шептало оно языком помертвелым:
«Постой же, припомню тебе я Петрову».

Ее схоронили роскошно и пышно
Граф пролил слезу на скамейке дерновой.
Весь день его не было видно и слышно,
А ночью потопал он снова к Петровой.

Но тут им графиня явилась из гроба
С мореною крышкой тяжелой дубовой.
Она таки съездила этому жлобу,
А после заехала этой Петровой.

Вот так богачи развлекались и жили.
У нас уже нет и не будет такого.
Давно похоронены в братской могиле
И граф, и графиня, и эта Петрова.

■ [28]

Как-то по проспекту с Манькой я гулял
Шарик на полсвета нам дорогу освещал.
И чтоб было весело с нею нам идти – ух!
В кабачёк Ковальского решили мы зайти.

Захожу в пивную и сажусь за стол,
И бросаю кепи прямо я под стол.
Спрашиваю Маньку: «Чего ты будешь
пить?».

А она зашаривает: «голова болит».

«Не капай мне на мозги, что голова болит.
Я тебя же спрашиваю, чегой ты будешь пить:
Пильзенское пиво, самогон, вино,
Душистую фиалку или ничего».

Выпили мы пиво, а потом вино,
И заговорили про это и про то.
А когда мне пильзень голову забил
О любовных чувствах я с ней заговорил.

Зонтик модернистский я тебе куплю,
Только ты скажи мне «Я тебя люблю.
Подарю платочек красивей огня
Манька, не будь дурой, полюби меня.

Дура бестолковая, чегой ты еще ждешь
Красивее парня ты в мире не найдешь
Али я не весел, али не красив
Аль тебе не нравится мой аккредитив.

Ну и черт с тобою, люби сама себя
Я найду другую, плевал я на тебя.
Кровь моя остыла, я сейчас уйду
И на Дерibasовской другую я найду.

¹¹ Слова, выделенные курсивом, зачеркнуты, над ними вписано зеленой пастой «до».

С. В. Белецкий

■ [29]

Поведи меня, миленький, в бар
Будем там мы гулять до рассвета
Подари золотой портсигар
и чулочки телесного цвета.

Комнатушка моя на замке,
Обо мне ходит слава худая,
И беззубая мне на руке
Без копейки цыганка гадает.

Без копейки, постылая, лжет
Не пойму, что бормочет такое
Будто ночь эту всю, и весь год,
И всю жизнь буду, милый, с тобою.

Так веди же меня поскорей
По тропинкам и камешкам сбитым
Мы простимся с тобой у дверей
За мостом Лейтенанта Шмидта.

Ну, а дома не спросит никто
Ты который по счету за лето.
Подари мне с кистями платок
И чулочки телесного цвета.

■ [30]

Красноярск<ая> экспедиц<ия>
(отряд Абрамовой)
(Мотив 16 тонн)

Запомни стоянку древних людей
Совок, лопата да нож тупой
Сидим в раскопе день деньской
И нож тупее тоски любой.
Усталое сердце гудит и болит,
Будь проклят навеки палеолит.

Над каждой костью дрожишь как пес
Чтоб кость товарищ твой не унес
А если найдешь паршивый отщеп,
Считай, что ты заработал на хлеб.

А после работы коли дрова
И так от раскопа болит голова
Сено коси и воду таскай
О доме лучше не вспоминай.

Как два скелета день на день похож,
Как в сердце в землю вонзается нож.
Начальник кричит: «Ножами копай,
Бульдозер больше не вспоминай»

На ужин нам дали три блина
Над нами сквозь тучи хохочет луна

Сама похожа на блин большой
Только ее не схватишь рукой.

Под утро в палатке раздался вздох
Еще момент, и он издох.
Товарищ мой как свеча угас
В могилу нас вгонит Равдоникас.

■ [31]

Расскажу я вам, ребята
Про семейный мой разлад
Как женился в Ленинграде,
Иль, вернее, был женат.

Но судьба довольно строго
Отнеслась к моей жене
Три недели проболела,
Умерла, оставив мне:

Припев:

Тридцать метров крепдешина
Пудру, крем, одеколон,
Два бидона керосина,
Ленинградский патефон,
Белой шерсти полушалок,
Фирмы Мозера часы,
Два атласных одеяла
И спортивные трусы.

И от этого я горя
Шел по парку сам не свой
И вдруг дева молодая
Улыбнулась будто мне.

И как будто между прочим
К этой деве я подсел
И как будто между прочим
Рассказал, что я имел

Припев.

Быстро свадьбу мы сыграли
Был гостей огромный зал
И как горько прокричали
Я все сразу показал.

Припев.

День работал без печали
В сердце розы расцвели
А пришел, и мне сказали:
Она ушла и с ней ушли:

Припев.

Ты не плюй на эти речи
Про жасминовый уют
Не влюбляйся с первой встречи,
И из дома не уйдут:

Припев.

КОММЕНТАРИИ

1. А. Б., М. В. Вариант широко известной «блатной» песни «Как в Ростове на Дону» / «Как под Ростовом на Дону» («В нашу гавань заходили корабли». М., 1995. С. 78). М. и Л. Джекобсоны относят ее возникновение к 1940 – 1950-м гг. (Джекобсон М. и Л. Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник. Т. 2. 1940–1991 гг. М., 2001. С. 310).

2. С. Б. Фольклоризованный вариант песни Е. Д. Аграновича «Пыль» (1941–1943) по стихам Р. Киплинга в переводе А. Оношкович-Яцыны, (Антология бардовской песни. М., 2005. С. 22-23):

День-ночь, день-ночь – мы идем по Африке,
День-ночь, день-ночь – все по той же Африке.
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отдыха нет на войне.

Днем-все-мы-тут – и не так уж тяжело,
Но-чуть-лег-мрак – снова только каблуки.
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отдыха нет на войне.

Ты-ты-ты-ты – пробуй думать о другом,
Чуть-сон-взял-верх – задние тебя сомнут.
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отдыха нет на войне.

Я-шел-сквозь-ад – шесть недель, и я клянусь,
Там-нет-ни-тьмы – ни жаровен, ни чертей,
Но пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог,
И отдыха нет на войне.

Семь дней приказ: шире шаг и с марша в бой!
Но дразнит нас близкий дым передовой.
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отдыха нет на войне.

Пуль-пуль-пуль-пуль – мы не слышим над собой.
Затих вдали ледяной снарядный вой...
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отдыха нет на войне.

3. С. Б. Локальная переделка песни 2 (см. коммент. 2), написанная, по сведениям Кильдюшевского, в 1963 г. в экспедиции студентами ЛВХПУ им. В. Мухиной. Как будто бы, эта песня не получила в других экспедициях широкого распространения.

4. А. Б., М. В. Песня «Фантазия» неустановленного происхождения. До настоящего времени встречается в составе песенников (<http://schools.techno.ru/ostrov/songs/jokes.htm#s16>).

С. Б. В 1960-е гг. песня была популярна не только среди студентов, но и среди ленинградских школьников-старшеклассников, причем третья строка куплета, обычно, повторялась дважды.

5. С. Б. Вариант см. в изд.: «В нашу гавань...». С. 336.

6. С. Б. Вариант см. в изд.: Споем, жиган.: антология блатной песни / авт.-сост. М. Шелег. – СПб., 1995. – С. 275-276.

7. А. Б., М. В. Сокращенный и фольклоризованный вариант песни Ю. И. Визбора «Мадагаскар» Авторский текст см. в изд.: Визбор Ю. И. Стихи и песни. – М., 1991. – С. 24. Там же приводится авторский комментарий: «Первую песню я написал после своего первого похода. Это было суперромантическое произведение. Песня называлась «Мадагаскар», хотя, откровенно говоря, ни к острову, ни к Республике Мадагаскар она не имела никакого отношения. Это была бесхитростная дань увлечению Киплингом. Мелодию я бессовестно похитил из популярного тогда спектакля кукольного театра С. В. Образцова „Под шорох твоих ресниц“. В интервью 1981 г. журналу «Авро-

С. В. Белецкий

ра» Визбор отмечал, что куплет «Помню южный порт...» дописан неизвестным ему соавтором (Визбор Ю. И. Верю в семиструнную гитару. М., 1994. С. 405).

8. А. Б., М. В. На сайте «Песенник Анархиста-подпольщика» (<http://a-pesni.narod.ru>) имеется следующее указание: «Первоначальный вариант песни, под заглавием „Ковбойская“, написан в начале 1940-х гг. работавшими тогда в СССР польскими джазистами А. Гаррисом и Ю. Цейтлиным для ансамбля Эдди Рознера. На пластинке вышла в 1944 году».

9. А. Б., М. В. Происхождение песни пока не установлено.

10. А. Б., М. В. Сайт «Песенник Анархиста-подпольщика» (<http://a-pesni.narod.ru>) при публикации варианта этой песни ссылается на следующие источники: Рукописный отдел Института русской литературы. Р. V, колл. 251, п. 1, № 1. Зап. С. А. Рабиновым в альпинистском лагере «Баксан» в 1960 г.; Русский советский фольклор: антология / сост. и примеч. Л. В. Домановского, Н. В. Новикова, Г. Г. Шаповаловой; под ред. Н. В. Новикова и Б. Н. Путилова. – Л., 1967. – № 168.

11. С. Б. Фольклоризованный вариант песни «Бригантина» (1937) П. Когана и Г. Лепского (Антология бардовской песни. М., 2005. С. 19).

12. А. Б., М. В. Фольклоризованный вариант стихотворения С. Есенина (Есенин С. Собр. соч.: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 117).

13. А. Б., М. В. Стихи В. Инбер. Песня стала особенно популярна после исполнения ее В. Высоцким.

14. С. Б. По сведениям, полученным от старейшего сотрудника Библиотеки Российской АН Р. Ш. Левиной, песня была популярна в Волго-Донской экспедиции ИИМК АН СССР в 1949–1951 гг.; возможно, текст ее был записан участниками экспедиции от заключенных, работавших на раскопках.

15. С. Б. Сокращенный и фольклоризованный вариант «Песни о Сталине» (1959) И. Х. (Юза) Алешковского (Антология бардовской песни. С. 32-34):

Товарищ Сталин, вы большой ученый,
В языкознанье знаете вы толк,
А я простой советский заключенный,
И мне товарищ серый брянский волк.

В чужих грехах мы сроду сознавались,
Этапом шли навстречу злой судьбе,
Но верили вам так, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.

Так вот сижу я в Туруханском крае,
Где конвоиры, словно псы, грубы,
Я это все, конечно, понимаю
Как обостренье классово-борьбы.

То дождь, то снег, то мошкара над нами,
А мы в тайге с утра и до утра.
Вы здесь из искры разводили пламя,
Спасибо вам, я греюсь у костра.

Мы наш нелегкий крест несем задаром
Морозом дымным и в тоске дождей.

Мы, как деревья, валимся на нары,
Не ведая бессонницы вождей.

Вы снитесь нам, когда в партийной кепке
И в кителе идете на парад.
Мы рубим лес по-сталински, а щепки,
А щепки во все стороны летят.

Вчера мы хоронили двух марксистов,
Тела одели красным кумачом.
Один из них был правым уклонистом,
Другой, как оказалось, ни при чем.

Он перед тем, как навсегда скончаться,
Вам завещал последние слова,
Велел в евоном деле разобраться
И тихо вскрикнул: «Сталин – голова!»

Живите тыщу лет, товарищ Сталин,
И пусть в тайге придется сдохнуть мне,
Я верю – будет чугуна и стали
На душу населения вполне!

16. С. Б. Фольклоризованный вариант песни «Клопы» (1959) А. А. Дулова (Антология бардовской песни. С. 317-318).

17. А. Б., М. В. Известная «блатная» песня (Джекобсон М. и Л. Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник. Т. 1. 1917–1939 гг. М., 1998. С. 227).

С. Б. В начале 1960-х гг. была популярна среди ленинградских школьников: вспоминаю тетрадки-песенники своих одноклассников (точнее, одноклассниц), в которых этот текст сопровождался рисунками, выполненными цветными карандашами.

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

18. А. Б., М. В. В варианте «Какая ночь над городом царила» опубликована в изд.: «В нашу гавань...». – С. 195.

19. А. Б., М. В. Вариант см. в изд. – «В нашу гавань заходили корабли». Вып. 5. – М., 2001. – С. 18.

20. С. Б. Сокращенный и фольклоризованный вариант песни «Стакан жемчуга» / «Стою себе на месте» А. Г. Левинтона. Автор песни – филолог-германист, был арестован в 1949 г., амнистирован в 1954 г., реабилитирован в 1961 г. Сын А. Г. Левинтона, Г. А. Левинтон любезно сообщил мне сведения о публикациях авторского текста песни: Левинтон Г. А. Еще раз «Жемчуга стакан» // Рус. мысль. 1990. 1 июня. С. 13; перепеч. в газ. «Час Пик» (СПб., 1991. 4 нояб.). Он же указал мне на статью Р. Зерновой «Жемчуга стакан» (фрагмент из очерка «Элизабет Арден», см.: Время и мы. 1981. № 58) и ее книгу «Израиль и Окрестности» (Иерусалим, 1990), в которых также опубликован авторский текст А. Г. Левинтона. Приведенный ниже текст песни воспроизведен по публикации Б. Сарнова (Сарнов Б. Интеллигенция поет блатные песни // Вопросы лит. 1996. № 5. С. 367-368):

Стою себе на месте,
Держуся за карман,
И вдруг ко мне подходит
Незнакомый мне гражданин. Он говорит мне тихо;
«Куда бы мне пойти,
Чтоб мог сегодня лихо
Я вечер провести,
Чтоб были-были бы девчонки,
Чтоб было-было бы вино.
А сколько будет стоить –
Мне это все равно».

А я ему отвечаю:
«Последнюю вчера
На Лиговке малину
Закрыли нам с утра!»
А он говорит: «В Марселе
Такие кабаки,
Такие там ликеры,
Такие коньяки!
Там девочки танцуют голые,
Там дамы в соболях,
Лакеи носят вина,
А воры носят фрак!»

Он предложил мне франки
И жемчуга стакан,

Чтоб я ему передал
Советского завода план.
Мы взяли того субчика,
Отняли чемодан,
Отняли деньги-франки
И жемчуга стакан.
Потом его мы сдали
Властям-энкавэдэ,
С тех пор его по тюрьмам
Я не встречал нигде.

Меня хвалили власти,
Жал руку прокурор,
И тотчас посадили
Под усиленный надзор.
А я с тех пор, ребята,
Одну имею цель:
Ах, только б мне увидеть
Тот западный Марсель!
Какие там девчонки,
Какие кабаки,
Какие там ликеры,
Какие коньяки!
Там девочки танцуют голые,
Там дамы в соболях,
Лакеи носят вина,
А воры носят фрак.

В большинстве известных мне фольклорных записей песни, как и в тексте публикуемого сборника, имеется еще один куплет, отсутствующий в авторском тексте. В качестве примера приведу ранее не публиковавшийся фольклоризованный вариант текста, бытовавший в Псковской археологической экспедиции Эрмитажа с конца 1960-х до конца 1980-х гг.:

Стою я раз на стреме,
Держуся за карман,
И вдруг ко мне подходит
Незнакомый мне гражданин.

Он говорит мне тихо:
«Куда бы нам пойти,
Чтоб можно было лихо
Там время провести?»

Чтоб были-были б там девчоночки,
Чтоб было-было б там вино,
А сколько будет стоить –
Мне, право, все равно!»

А я ему отвечаю:
«На Лиговке вчера
Последнюю малину
Накрыли мусора».

А он говорит: «В Марселе
Такие кабаки,
Такие там бордели,
Такие коньяки!»

Там девочки танцуют голые,
Там дамы в соболях.
Лакеи носят бороды,
А воры носят фрак!»

С. В. Белецкий

Он предлагал мне деньги-франки
И жемчуга стакан,
Чтоб я ему передал
Советского завода план.

Советская малина
Собралась на совет,
Советская малина
Врагу сказала: «Нет!»

Мы взяли того субчика,
Отняли чемодан,
Забрали деньги-франки
И жемчуга стакан.

Потом его передали
Властям-энкавэдэ,

С тех пор его по тюрьмам
Я не встречал нигде.

Меня благодарили власти,
Жал руку прокурор,
А после посадили
Под усиленный надзор.

И вот теперь, братишечки
(вариант: И вот сию, братишечки),
Одну имею цель –
Увидеть хоть бы в щелочку
Ту самую Марсель!

Где девочки танцуют голые,
Где дамы в соболях.
Лакеи носят бороды,
А воры носят фрак!

Куплет «Советская малина / Собралась на совет...», отсутствующий в авторском тексте, по сведениям Б. Сарнова (Сарнов Б. Указ. соч. С. 354), был дописан А. А. Галичем.

21. А. Б., М. В. Типперери – город в Южной Ирландии. Английская народная песня «It's a long way to Tipperary» (букв.: «далек путь до Типперери»; перенос: «далеко до родного дома, до цели») была популярна во время Первой мировой войны (Papa M., *Iantrono G. Famous British & American songs and their cultural background. Edinburg, 1979. № 1*):

It's a long way to Tipperary,
It's a long way to go;
It's a long way to Tipperary,
To the sweetest girl I know!

Goodbye, Piccadilly!
Farewell, Leicester Square!
It's a long, long way to Tipperary,
But my heart's right there!

О популярности песни свидетельствует намек на нее в романе А. Кристи «Убийство по алфавиту» (Кристи А. Избр. произведения. Баку, 1991. Т. 9. С. 279).

В основу русского перевода положена английская песня «It's a long, long way to Tipperary» (<http://lyrics.mp3s.ru/perl/lyric.pl?hy5NsN8Fna VWA&15520>), включавшая текст «It's a long way to Tipperary» в качестве припева:

Up to mighty London came an Irishman one day,
As the streets are paved with gold, sure ev'ryone was gay;
Singing songs of Piccadilly, Strand and Leicester Square,
Till Paddy got excited, then he shouted to them there:

Chorus:

It's a long way to Tipperary,
It's a long way to go;
It's a long way to Tipperary,
To the sweetest girl I know!
Goodbye, Piccadilly!
Farewell, Leicester Square!
It's a long, long way to Tipperary,
But my heart's right there!

Paddy wrote a letter to his Irish Molly O.
Saying, «Should you not receive it,
Write and let me know!
If I make mistakes in spelling, Molly dear», said he
«Remember it's the pen that's bad,
Don't lay the blame on me».

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Molly wrote a neat reply to Irish Paddy O.
Saying. «Mike Mahoney wants to marry me, and so
Leave the Strand and Piccadilly, or you'll be to blame
For love has fairly drove me silly, hoping you're the same!».
Chorus:

В середине 1940-х гг. (<http://ozmuz.com.ru/book-80002.html>) песня входила в репертуар биг-бэнда Л. Утесова.

22. С. Б. Сокращенный и фольклоризованный вариант песни «Охотный ряд» (1960) Ю. И. Визбора (Антология бардовской песни. С. 160).

23. А. Б., М. В. Вариант старой тюремной, по-видимому, еще дореволюционной, песни. Правда, М. и Л. Джекобсоны относят ее возникновение к периоду после 1917 г. (Джекобсон М. и Л. Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник. Т. 1. С. 263). Варианты см. в изд.: «Споём, жиган». – С. 225; «В нашу гавань...». – С. 71-72.

С. Б. В 1970 – 1980-е гг. в Псковской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа и в Изборской экспедиции ИА АН СССР песня бытовала в варианте, отличающемся от большинства опубликованных текстов:

Цыганка с картами судьбу гадала мне,
Дорогу дальнюю, казенный дом.
Быть может старая тюрьма центральная
Меня, парнишечку, по новой ждет.
Централка, и ночи полные огня,
Злодейка, зачем сгубила ты меня,
Централка, я твой бессменный арестант
Погибли юность и талант в твоих стенах.

Но знаю тайну я и без гадания,
Что дни тюремные мне суждены.
Опять по пятницам пойдут свидания
И слезы горькие моей родни.
Централка – мир полный форменных одежд,
Централка – страна фантазий и надежд,
Централка, я твой бессменный арестант
Погибли юность и талант в твоих стенах.

Сижу я в камере, все в той же камере,
Где, может быть, сидел еще мой дед.
Сижу и жду опять этапа дальнего
Как ждал его отец в 17 лет.
Централка, и ночи полные огня,
Злодейка, зачем сгубила ты меня,
Централка, я твой бессменный арестант
Погибли юность и талант в твоих стенах.

Ну, что ж, не встретимся, живи случайностью,
Иди проторенной своей тропой.
И пусть останется навеки тайною,
Что и у нас была весна с тобой
Централка, и ночи полные огня,
Злодейка, зачем сгубила ты меня,
Централка, я твой бессменный арестант
Погибли юность и талант в твоих стенах.

24. С. Б. Переделка песни «Прощальная Дальневосточная» (1942) М. Л. Анчарова по стихам В. Инбер (Антология бардовской песни. С. 43):

Быстро-быстро донельзя
Дни пройдут, как один.
Лягут синие рельсы
От Москвы на Чунцин.
И взмахнет над перроном
Белокрылый платок,
Поезд в ветре соленом
Уплывет на восток.

Заворчит, заворкует
Колесо на весу...
Лепесток поцелуя
Я с собой увезу.

Закричат переклички
Паровозовых встреч;
Зазвучит непривычно
Иностранная речь;

Будет сердце двоиться:
Много вздохов подряд
Меж восторгом границы
И уклоном утрат.
И границу в ночи я
Перечувствую вновь,
За которой Россия,
За которой любовь...

Текст, содержащийся в сборнике, отличается от опубликованных фольклорных вариантов песни Анчарова (ср.: «...Но мы еще не старики, мы инженеры-физики». С. 155-156; «В нашу гавань...». С. 22) ярко выраженным псевдобелогвардейским флёром. Ближайшим соответствием ему является текст, опубликованный Вал. А. Булкиным («Мы по речке, по Каспле идем...»: экспедиц. фольклор искусствоведов / сост. Вал. А. Булкин. 2001. С. 71, 72). Возможно, в основе этих текстов лежит общий протограф, бытовавший в ленинградских археологических экспедициях начала 1960-х гг.

25. С. Б. Фольклоризованный вариант песни «Перекаты» (1960) А. М. Городницкого (Антология бардовской песни. С. 256-257).

С. В. Белецкий

26. А. Б., М. В. Песня «Палуба» Ю. Левитина на стихи Г. Шпаликова из кинофильма «Коллеги». В 1980-е гг. эта песня стала материалом для множества переделок (Лурье М. Л. Пародийная поэзия школьников // Русский школьный фольклор. М., 1998. С. 465).

27. С. Б. Варианты см. в изд.: «В нашу гавань...». – С. 360-361; «Мы по речке, по Каспле идем». – С. 51-52. По сведениям Кильдюшевского, эта песня была записана им от В. И. Назаренко.

Завершая подготовку песенника Кильдюшевского к публикации, я списался с кандидатом исторических наук В. И. Назаренко (род. в 1945 г.), который много лет работал в ЛОИА – ИИМК, а ныне проживает в Германии. Ниже привожу фрагменты письма Назаренко, полученного мною 27 мая 2005 г. (купюры в тексте письма обозначены <...>, комментарии к письму вынесены в подстрочные примечания):

<...> Летом 1962 года я поехал в Новогрудок к Ф. Д. Гуревич. Это был не первый мой, как любил говаривать Г. С. Лебедев¹², „археологический анабазис“, но – первая экспедиция, где я был единственным школьником. Все остальные были либо сотрудниками Института (ЛОИА. – С.Б.) <...>, либо студентами Академии художеств, Мухи (ЛВХПУ. – С.Б.) и других, теперь уже не помню каких точно, технических вузов. <...>

Тогда же мне случилось начать петь <...>, в общем-то, пели все, и я пел то, что пели все: в основном Окуджаву, старые студенческие песни и так называемый „пиратский цикл“, но и немного Галича, раннего Высоцкого и Городницкого.

Собственно моего репертуара еще не было, он начал формироваться позже, но от этого начального периода в нем остались песни: „Перевесь подальше ключи...“¹³, „Неистов и упрям гори огонь, гори...“¹⁴, „Возьму шинель и вещмешок и каску...“¹⁵, „Не бродяги, не пропойцы...“¹⁶, „Не верьте пехоте...“¹⁷, „Вы слышите, грохочут сапоги...“¹⁸, „Мой друг, мой друг, можешь ты меня не ждать...“¹⁹, „Если не попал в аспирантуру...“²⁰, „В гареме может жить султан...“²¹, „Что же ты глядишь на меня в упор...“ („Зараза“)²², „Пират забудь про небеса...“²³, „По морям и океанам злая нас ведет судьба...“²⁴, „У лошади была грудная жаба...“²⁵, „Облака плывут, облака...“²⁶, „Това-

¹² Г. С. Лебедев (1943–2003) – профессор, доктор исторических наук, один из ведущих специалистов России в изучении «эпохи викингов» (VIII–X вв.), признанный неформальный лидер ленинградских археологов-русистов «поколения 1970 – 1980-х». В 1960-е гг. – студент кафедры археологии ЛГУ, активный участник студенческого «славяно-варяжского семинара» Л. С. Клейна. Погиб в Старой Ладоге (столица Руси в «эпоху викингов») 15 августа (неофициальный день археолога, отмечаемый на всем постсоветском пространстве) 2003 г. О Г. С. Лебедеве см.: Гражданин Касталии, Ученый, Романтик, Викинг // Санкт-Петербургский университет. – 2003. – 12 дек. – С. 47-57; Кузьмин С. Л. Г. С. Лебедев: ученый, учитель, личность // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-23 дек. 2003 г. – СПб., 2004. – С. 22-25; Мачинский Д. А. Глеб Лебедев и Ладога // Там же. – С. 3-15; Герд А. С. Навстречу ветру // Там же. – С. 16-21.

¹³ Песня «Не гляди назад» Е. И. Клячкина на музыку М. Зива (Антология бардовской песни. С. 458).

¹⁴ «Старинная студенческая песня» Б. Ш. Окуджавы (Антология бардовской песни. С. 669).

¹⁵ **А. Б., М. В.** «Песня веселого солдата» Б. Ш. Окуджавы (Песни Булата Окуджавы. М., 1989. С. 61).

¹⁶ Песня «Не бродяги, не пропойцы» Б. Ш. Окуджавы (Антология бардовской песни. С. 671).

¹⁷ **А. Б., М. В.** Песня «Простите пехоте» Б. Ш. Окуджавы (Песни Булата Окуджавы. С. 45).

¹⁸ **А. Б., М. В.** «Песенка о солдатских сапогах» Б. Ш. Окуджавы. (Песни Булата Окуджавы. С. 38).

¹⁹ См. коммент. 2.

²⁰ **А. Б., М. В.** Студенческая песня неуставленного авторства 1950-х (?) гг. («В нашу гавань...». С. 308).

²¹ **А. Б., М. В.** Песня «Султан» является вольным переводом немецкой Burschenslied XIX в. (Papst und Sultan // News aus dem letzten Jahrhundert / Hrsgb. G. F. Van der Beck. Hochheim, 1999). Кажется, первая публикация русского текста песни относится к концу XIX в. (Арфа подле кружки / сост. В. А. Борткевич. Рига, 1891. С. 95, 96, № 51. См. также: Песенный фольклор археологических экспедиций // Далекое прошлое Пушкиногорья. СПб., 2000. Вып. 6. С. 22-23).

²² См. коммент. 6.

²³ **А. Б., М. В.** Песня неуставленного авторства, известная в городской среде с середины 1960-х гг. Упоминается И. Раскиным с пометой: «Песня моего детства» (Раскин И. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса. М., 1995. Цит. по: http://eho.haim.ru/eho_pira.php).

²⁴ **А. Б., М. В.** Песня неуставленного авторства. Одно из первых свидетельств ее популярности содержится в воспоминаниях Р. Полчанинова о русскоязычном скаутском лагере в Германии в начале 1950-х гг. (<http://www.scouts.ru/modules/sections/index.php?op=printpage&artid=398>).

²⁵ Песня «Лошадь» А. А. Галича (Галич А. Я верил в чудо. М., 1991. С. 114-115).

²⁶ Песня «Облака» А. А. Галича (Галич А. Я верил в чудо. С. 25-26).

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

рищ Сталин²⁷ (Юза Алешковского в исполнении Высоцкого), „Клены выкрасили город...“²⁸, „От злой тоски не матерись...“²⁹, „Все перекаты, да перекаты...“³⁰. Наверное, что-то я запамятовал, но эти песни я смог бы спеть и сейчас, а иногда и пою...

Песни, о которых ты спрашиваешь („Жил граф Родериго...“ и „Поведи меня миленький в бар...“ – С. Б.), – это следующий этап, уже сознательного формирования моего собственного репертуара. И здесь надо, прежде всего, сказать, что экспедиционное лето 1962 года коренным образом изменило круг моего общения.

Сейчас, сидя за компьютером, я вдруг обнаружил, что не могу вспомнить имена своих соучеников 9-11 классов, за исключением двух – Димы Лебедева, познакомившего меня с Л. С. Клейном <... >, и Коли Блинова, имевшего магнитофон „Астра“, который „...в те времена далекие, теперь совсем былинные...“ был в индивидуальном пользовании еще большей редкостью. Магнитофон этот сыграл в повествуемой мной истории определенную роль.

Так вот, круг моего общения с осени 1962 года полностью сменился, теперь он был теснейшим образом связан со сферой жизни целого ряда сотрудников Института, и аспирантов или студентов, так или иначе связанных с археологией и археологическими экспедициями. У этого круга была иная временная и пространственная локализация, никак не коррелировавшая со школьной. „Дети подземелья“ – так называли молодых сотрудников Института по месту их преимущественного пребывания. Камералки и студенческие общежития – вот география круга моего общения; вторая половина дня, вечер, нередко весьма поздний – его время. Не без возлияний, как сейчас вспоминается, весьма умеренных, в подвалах Института, аудиториях Истфака и общежитиях различных высших учебных заведений в 1962–1964 годах был снят фильм „Граф Монте-Кристо“, поставлен спектакль „Гамлет“ и подготовлено грандиозное представление к празднованию 30-летия Истфака³¹, а еще множество капустников в Академии Художеств, Мухе, ЛЭТИ, Политехе и не помню где еще... И везде пели по программе и вне ее... А еще были ранние студенческие свадьбы и, наконец, просто сборища без всякого к тому повода..., или он не запомнился..., или это было получение спипендии...

Удивительно, но во всем этом водовороте я отчетливо помню, что бобину, а это была именно бобина с магнитофонной лентой, на которой были записано множество песен, я получил в общежитии ЛИСИ на Садовой близ Пяти углов. <...>

Так вот, на одной стороне этой пленки, весьма качественной, было много старых студенческих песен и среди них „Там, где Крюков канал и Фонтанка река...“³², „В первые минуты бог создал институты...“³³, „Коперник целый век трудился...“³⁴, еще ряд песен – „На Богосьяновской открылась пивная...“³⁵ и „Как-то шли на дело я и Рабинович...“³⁶. Там и были мной услышаны испрашиваемые тобой „Жил граф Родериго...“ и „Поведи меня миленький в бар...“, а кроме того до сих пор остающиеся в моем

²⁷ См. коммент. 15.

²⁸ **А. Б., М. В.** Песня «Бабье лето» В. Высоцкого на стихи И. Кохановского (<http://www.bards.ru/archives/part.php?id=15627>). Исполнялась также К. Шульженко на музыку Т. Марковой (Любовь нечаянно нагрянет: От Утесова до... М., 1999. С. 111).

²⁹ Песня «На материк» (1960) А. М. Городницкого (Антология бардовской песни. С. 257).

³⁰ См. коммент. 25.

³¹ История подготовки капустника к 30-летию истфака ЛГУ и авторский текст сценария см.: Аль Д. Восстановление ума по черепу. – СПб., 1996.

³² См. коммент. 15 *Приложения 2*.

³³ См. коммент. 4 *Приложения 2*.

³⁴ **А. Б., М. В.** Песня «По рюмочке, по маленькой» / «По рюмочке, по чарочке» известна в репертуаре российского студенчества по крайней мере с 1840-х гг. (Песенный фольклор археологических экспедиций. С. 18-20).

³⁵ **А. Б., М. В.** Городская песня 1940 – 1950-х гг., более известная с первой строкой «На Дерибасовской открылась пивная...» («В нашу гавань...»). С. 53).

³⁶ **А. Б., М. В.** Пародия на знаменитую песню «Мурка», ставшая с 1960-х гг. в интеллигентской среде едва ли не популярнее оригинала. Популярность этой песни в 1970-е – 1980-е гг. связана, по-видимому, с исполнением песни А. Северным.

С. В. Белецкий

репертуаре „Я говорю, я говорю, надменно в сторону смотрю...“³⁷, а также „Танька“ („По деревне с шумным интересом / бабы много говорят такого...“)³⁸, приписываемая поэту Исаковскому, и если это так, – то лучшее из им написанного. Исполнение было, я бы сказал, профессиональным и, кажется, все вещи пелись одним голосом.

На другой стороне пленки были песни Окуджавы, Городницкого, Галича и др., из которых в моем репертуаре остались лишь несколько, в основном Галича: „Четырнадцать лет пацан попал в тюрьму...“³⁹, „Ну, кто из нас не знает Пастернака...“⁴⁰ и „Песня о прибавочной стоимости“⁴¹. Песен я никогда в жизни не записывал по лености. Пленку мне дали на два дня, и я отправился с ней к Коле Блинову – единственному знакомому, у которого был собственный магнитофон и он, добрая душа, дал мне его в пользование на один день. Я сидел дома и слушал, и учил, и выучил, как выяснилось спустя 40 лет, на всю жизнь. Это была осень 1963 года, на следующий год кончалась школа, впереди были вступительные экзамены на Истфак, в поле в том году я не ездил...

Таким образом, из тех пяти-шести, максимум десятка песен, первоисточником которых в нашей среде был я, „Граф Родериго“ или „Петрова“, наряду, конечно с „Танькой“ и „Четырнадцати лет...“, занимает особое место: с этих песен начал формироваться мой собственный репертуар и связанный с ним стиль исполнения <... >».

28. С. Б. Вариант см. в изд.: «В нашу гавань...». – С. 66-67. По сведениям Кильдюшевского, эта песня была записана им от В. И. Назаренко (см. примеч. 27).

29. С. Б. Профессор филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Т. В. Рождественская сообщила, что эту песню в конце 1940-х и в 1950-е гг. пела ее мать, И. П. Стуккей (род. в 1906 г.), песня написана в 1930-е гг. на стихи поэтессы Л. Поповой, которую хорошо знал отец Т. В. Рождественской, поэт Вс. Рождественский. По сведениям Кильдюшевского, эта песня была записана им от В. И. Назаренко (см. примеч. 27).

30. С. Б. Локальный археологический фольклор, не получивший широкого распространения. В тексте упоминается В. И. Равдоникас (1894–1976) – чл.-кор. АН СССР, профессор Исторического факультета ЛГУ, в 1936–1949 гг. – заведующий кафедрой археологии (Столяр А. Д. Деятельность Владислава Иосифовича Равдоникаса // Тихвинский сборник. Тихвин, 1988. Вып. 1. С. 8-25).

В основе переделки лежит популярная в 1950-е и 1960-е гг. русская подтекстовка легендарной песни «Sixteen Tons» (1946) М. Тревиса (<http://www.ernieford.com/Sixteen%20Tons.Htm>):

I was born one mornin' when the sun didn't shine
Picked up a shovel and I walked to the mine
I hauled Sixteen Tons of number 9 coal
And the straw-boss said, «Well, bless my soul»

Chorus:
You haul Sixteen Tons, whadaya get?
Another older and deeper in debt
Saint Peter don't you call me cause I can't go
I owe my soul to the company store

Born one morning it was drizzle and rain
Fightin' and Trouble are my middle name
I was raised in a canebrake by an old mama lion
And no high-toned woman make me walk the line

³⁷ А. Б., М. В. Происхождение и авторство песни пока не установлено.

³⁸ А. Б., М. В. Происхождение и авторство песни, широко распространенной в археологических экспедициях 1960–1980-х гг., работавших на Северо-Западе (см.: «Мы по речке, по Каспле идем...». С.77), пока не установлено.

³⁹ А. Б., М. В. Песня «Сказание о Петре Якире, который родился в 1923 году, а сел в 1937» Ю. Ч. Кима (Ким Ю. Ч. Сочинения. М., 2000. С. 55).

⁴⁰ А. Б., М. В. Происхождение и авторство песни пока не установлено.

⁴¹ «Баллада о прибавочной стоимости» А. А. Галича (Галич А. Я верил в чудо. С. 105-108).

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Chorus:
You haul Sixteen Tons...

See me comin' better step aside
A lot of men didn't and a lot of men died
I got one fist of iron and the other of steel
And if the right one don't get ya, the left one will

Chorus:
You haul Sixteen Tons...

Born one mornin' when the sun didn't shine
Picked up a shovel and I walked to the mine
I hauled Sixteen Tons of number 9 coal
And the straw-boss said, «Well, bless my soul»

Chorus:
You haul Sixteen Tons...

Классическим считается исполнение песни Э. Фордом (1949). При этом текст песни в деталях отличался от авторского текста М. Тревиса:

Some people say a man is made outta mud
A poor man's made outta muscle and blood
Muscle and blood and skin and bones
A mind that's a-weak and a back that's strong

Chorus:
You load Sixteen Tons, what do you get?
Another day older and deeper in debt
Saint Peter don't you call me "cause I can't go
I owe my soul to the company store

I was born one mornin' when the sun didn't shine
I picked up my shovel and I walked to the mine
I loaded sixteen tons of number nine coal
And the straw boss said «Well, a-bless my soul»

Chorus:
You haul Sixteen Tons...

I was born one mornin', it was drizzlin' rain
Fightin' and trouble are my middle name
I was raised in the canebrake by an ol' mama lion
Cain't no-a high-toned woman make me walk the line

Chorus:
You haul Sixteen Tons...

If you see me comin', better step aside
A lotta men didn't, a lotta men died
One fist of iron, the other of steel
If the right one don't a-get you, then the left one will

Chorus:
You haul Sixteen Tons...

Пользуюсь случаем поблагодарить профессора Янгстаунского университета, (штат Огайо, США) Мелиссу Смит, указавшую мне сайт, содержащий информацию о песне «Sixteen Tons», а также сообщившую текст песни, исполнявшийся Э. Фордом.

А. Б., М. В. Русские подтекстовки песни «Sixteen Tons» фиксируются, по крайней мере, в двух различных версиях, которые можно условно обозначить как «авиационная» и «шоферская». Примеры «авиационной» версии приведены на сайте <http://goroms.narod.ru/OI/O05.htm>:

С. В. Белецкий

Текст 1960-х гг.:

Сидим мы в баре в поздний час,
И вот от шефа идёт приказ:
«Летите, мальчики, на восток,
Скорей по машинам, ваш путь далёк».

Прощай, чувиха, прощай, притон,
А в каждой бомбе – 16 тонн.
16 тонн – немалый груз,
Летят ребята бомбить Союз.

Летели мальчики на восток,
Увидели мальчики городок.
И жерла пушек на них глядят,
Сейчас наши мальчики будут стрелять.

Летят машины в кромешной мгле,
Не спят солдаты на земле.
Ракету в брюхо – и дым трубой,
И в землю штопором вниз головой.

И вот опять мы у стойки пьём,
Сегодня дивы, а завтра умрём.
Никто не знает тот день и час,
Когда эти бомбы падут на нас.

Текст 1980-х гг.:

Сидим мы в баре в поздний час,
И вот от шефа идёт приказ:
«Летите, мальчики, на восток,
Бомбите, мальчики, городок!»

Летим над морем – красота,
12 тысяч высота,
Но там, на море, корабли,
И нас над морем засекали.

Один снаряд попал в крыло –
Связиста к чёрту унесло,
Другой снаряд попал в туалет –
Там было двое, сейчас их нет,
Третий снаряд попал мне в глаз –
А я балдею и жму на газ!

Полного текста «шоферской» версии пока обнаружить не удалось. По воспоминаниям С. В. Белецкого (род. в 1953 г.), в начале 1960-х гг. он слышал песню «Шестнадцать тонн» со следующими словами (в памяти сохранились фрагменты):

Я шофер компании Спейз (?)
Вожу машины в Сан-Перес (?)

.....
.....

.....
.....

А если машина свернет в кювет –
Был Том Стейлтон – Тома Стейлтона нет.

Горит реклам неоновый свет,
И лучше жизни, чем в Америке, нет.
Играй оркестр, звени тромбон,
А я вхожу в нетопленный дом.

Белецкий вспомнил также, что из текста следовало: перевозимый водителем груз весом в 16 тонн представлял собой некое взрывоопасное вещество.

31. С. Б. *Варианты см. в изд. («В нашу гавань». С. 342-343; «Мы по речке, по Каспле идем». С. 54-56).*

(Продолжение в следующем номере)